

УДК 1 (075.8)

**КОНЦЕПТ «КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ»:
ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ****THE CONCEPT OF "CULTURAL LANDSCAPE": PHILOSOPHICAL
AND CULTUROLOGICAL EXPLICATION****Г.Н. Калинина, С.В. Тикунова
G.N. Kalinina, S.V. Tikunova***Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, Белгород, ул. Королева, 7**State Institute of arts and culture,
7 Koroleva St, Belgorod, 308033, Russia**E-mail: galakalinina@inbox.ru*

Аннотация. В статье в русле семиотического подхода к пониманию и трактовке культуры рассматривается семиотическая роль, назначение всех компонентов (в том числе, утилитарных) культурного ландшафта как универсальной формы бытия культуры и его семантика.

Resume. In an article in line with the semiotic approach to understanding and interpretation of the culture is considered a semiotic role assignment of all components (including, utilitarian) cultural landscape as a universal form of being culture and its semantics.

Ключевые слова: культурный ландшафт, семиотическая концепция культуры, пространство, социокод, семиоз, семантика.

Key words: cultural landscape, the semiotic concept of culture, space, socio-code, semioz, semantics.

В апреле 2016 года состоялся важный научный форум международного уровня: посвященный выдающемуся отечественному философу, историку философии, социологу и политологу, историку науки и образования, лингвокультурологу – Михаилу Константиновичу Петрову (1923-1987)¹. В его рамках на Ростовской и Белгородской вузовских площадках шло заинтересованное обсуждение философско-методологических, историко-философских, социально-философских, науковедческих, лингво-культурологических и философско-образовательных проблем. В рамках данной статьи мы намереваемся продолжить эту традицию и показать актуальные смыслы наследия М.К. Петрова, с учетом культурно-исторических реалий XXI века. В данной связи, подчеркивая значимость методологии тезаурусной динамики, мы остановимся на проблеме культурного ландшафта, преломив ее на семиотические идеи нашего неординарного соотечественника – М.К. Петрова, который разводит области функционирования мировоззрения, социокода и языка, заново формулируя проблему их взаимосвязи [Калинина, 2012].

Иными словами, в русле семиотического подхода к пониманию и трактовке культуры мы постараемся осуществить концептуализацию заявленной проблемы посредством аналитики культурного ландшафта в рамках парадигмы «культура и природа», что представляется актуальным, продуктивным и перспективным в условиях современной культуры. Тем более, что ситуация глобального экологического кризиса, зыбкость человеческого бытия апеллирует не просто к активизации междисциплинарных изысканий, а к целостной философской аналитике семиозиса взаимодействия культуры и пространства как результата сотворчества человека и природы, а шире - как «эстафеты поколений», задающей вектор гармоничного планетарного развития, в том числе, в ноосферных моделях будущего.

В первую очередь, оговоримся: генезис термина «культурный ландшафт» связан с именами О. Шлютера («материальное единство природных и культурных объектов, доступных восприятию человека») и К. Зауэра. У истоков отечественных концептуальных разработок в области взаимодействия культуры и пространства стоял А. фон Гумбольдт, идеи которого получили развитие в исследованиях Л.С. Берга, А.И. Воейкова, В.В. Докучаева, С.С. Неуструева, В.П. Семенова-Тян-анского, Б.Б. Родомана и др.). Продуктивную попытку систематизации основных концептуальных

¹ Речь о XXIX Петровских чтениях. Наследие М.К. Петрова: история философии, культурология, науковедение и регионалистика» (21 апреля 2016 г., Ростов-на-Дону – 25-26 апреля 2016 г. Белгород),

подходов исследования культурного ландшафта предпринял видный отечественный географ В.Л. Каганский, давший безоценочный (что важно) их обзор в сфере российской географии, включая научно-секулярные интерпретации ландшафта. Архетип культурного ландшафта предстает на стыке разных и одновременно схожих научно-географических подходов, а общая панорама концептуальной базы - изучения ландшафтного пространства - «семейством концепций», без притязаний на универсальность и монополизм любой из них.

Здесь сразу же обратим внимание на сохраняющийся с давних пор высокий исследовательский интерес к проблеме ландшафтного пространства в ее предельно широком плане, то есть сквозь призму понимания категории «реальность» и ее представленности в знаково-символической форме. В самом деле, в истории философии и науки мы находим немалый массив фундаментальных наработок по обоснованию природы «реальности» и «текста», начиная с античных, средневековых, мыслителей до современных. Это и работы Аристотеля (в частности, трактат «Об истолковании», отдающий дань логике и логическим формам суждения) [Неретина, Электронная библиотека по философии]; и тексты Августина Аврелия (о способах и основе всякого толкования)² [Августин, Col. 19, 89]; и труды отечественных ученых, наших современников. Скажем, А.А. Григорьев, который в работе «Артикуляции бытия культуры» дает описание острого момента встречи «Слова и Безмолвия, ...знаменующего собой явление третьей ипостаси Троицы – Бога Духа святого» [Григорьев, 2005: 217]; это и В.С. Библер в контексте анализа «ловушек» логического мышления объясняющий их «бессмысленностью разведения текста и организующей его логики»; это и рассуждения Ю.М. Лотмана о существе (о сути) «внетекстовой реальности», и ее отличиях от «текста» (главный критерий такой демаркации - наличие (или отсутствие) Правил и смыслов, то есть «прагматический нюанс»). Заметим по ходу, что особо интересны для нас его мысли по поводу двух подходов в описании реальности и текста, его «семиотическая» трактовка культуры («пучок семиотических систем, складывающихся в определенную иерархию, систему текстов» путем культурации – преобразования субъектом «не-текста» в «текст») [Лотман, 2000: 398]. В этом смысле, говорит исследователь, «Превращение жизни в текст - не объяснение, а внесение событий в коллективную...память» [Лотман, 2000: 398]. Также значительны для нас работы С.С. Неретиной (ее труды по символизму и обоснованию неотожествленности, несовпадения экзегезы («поиск значения» слов и образов) с приемами герменевтики – в контексте специфики готического, Средневековья. Кроме того, А.М. Пятигорский, исследуя категорию реальности в соотношении с текстом обосновывает тезис о том, что «реальность» и «текст» - не свойства объектов, а точки зрения на них); со своей стороны В.П. Руднев акцентируется на доказательстве тождества понятий «Текст» и «Реальность»); Б.А. Успенский и М.К. Петров рассматривают культуру как «книгу Природы»), а процессы семиозиса развернуты на пространство сопряженных миров: людей, идей и знака.

В данном русле на основе специальных методов семиотики, кибернетики, структурализма, культура предстает «совокупностью всей ненаследственной информации, способов ее организации и хранения», обладая свойством саморегуляции, отграниченностью от не-культуры (природы; как сложной знаковой системы со своей памятью, способами изучения и знаковостью; как систему, втягивающую природную не-знаковость в себя и преобразующую ее семиотически. То есть, как своеобразный текст – своего рода код, который обеспечивает активность множества текстов, в корреляции с понятием «семиосферы».

То есть, даже небольшой обзор говорит нам о глубинности проблемы семиозиса человеческого бытия, о том, что весь наш мир представляет собой реальность - систему знаков. А открывателем и толкователем смыслов является сам человек, который, собственно, и придает им уникальную личностно-субъектную окраску.

Далее, обратившись к генезису самого термина «культурный ландшафт», мы видим, что в географическом смысле под культурным ландшафтом принято понимать не просто результат сотворчества человека и природы, но также целенаправленно и целесообразно формируемый природно-культурный территориальный комплекс, со своей структурной, морфологической и функциональной целостностью и развивается в конкретных физико-географических и культурно-исторических условиях [Культурный ландшафт: основные концепции в Российской географии URL: <http://refleader.ru/red>]. Культурный ландшафт это «земное пространство, включающее все присущие ему природные и антропогенные компоненты» [Культурный ландшафт [Электронный ресурс], которые образуют характерные сочетания, будучи взаимобусловленными и взаимосвязанными друг с другом. Это и пространство, которое формируется в результате сознательной, целенаправленной деятельности человека для удовлетворения тех или иных практических потребностей - «географический ландшафт, изменённый хозяйственной деятельностью человеческого общества и насыщенный результатами его труда» [Ландшафт, 1998:436]. Обобщая скажем: с позиций ландшафтоведения культурный ландшафт понимается как результат сотворчества человека и природы, как произведение человека и природы [Ландшафт, 1998:436]

---

²Это известный герменевтический текст Августина Аврелия «О христианском учении», его «герменевтический поход», в терминологии С.С. Неретиной, анализирующей особенности средневековых представлений реальности.

Генезис самого термина «культурный ландшафт» связан с именем немецкого географа Отто Шлютера, который понимал его как материальное единство природных и культурных объектов, доступных восприятию человека. Ключевую роль в генезисе культурного ландшафта Шлютер отводил человеку [Стрелецкий, 2003:42]. Существенный вклад в развитие концепции культурного ландшафта внес американский физический географ Карл Зауэр, который в книге «Морфология ландшафта» определяет культурный ландшафт, как пространственное отражение накопленной эволюции культур в определенной местности, своеобразную проекцию культур на природный ландшафт [Зауэр, 2000]. В центре внимания по Зауэру, должны находиться «слежки» образов жизни, оставленные человеком в ландшафте. При этом культура трактуется как целостность человеческого опыта. Культура - основная сила, формирующая рукотворный облик земной поверхности [Классическая концепция культурного ландшафта Карла Зауэра: история и современность, 2013:77]. Одним из первых критиков морфологической концепции Зауэра о культурном ландшафте был американский географ, основоположник поведенческой географии Р. Хартшорн, который вообще исключил понятие ландшафта, обосновывая это необходимостью ухода от путаницы в понятиях в науке. Определение К. Зауэром ландшафта как суммы природных и культурных составляющих, по мнению Р. Хартшорна, не даёт целостного представления [Культурные ландшафты России и устойчивое развитие, 2009: 81]. Как отмечал Дж. Голд, главный недостаток школы культурного ландшафта К. Зауэра заключается в недостаточно полном рассмотрении отношений человека к тем или иным ландшафтами символических значений, которыми наделяют ландшафт. А вот по мнению В.Л. Каганского, современного российского географа, напротив, за этим подходом потенциально немалое будущее - «...коль скоро будущее за меньшинствами, если идентификация последних идет по этническому типу. Вопрос только в том, будут ли программисты, дизайнеры, ретейлеры образовывать эндогамные сообщества (атрибут этнических групп), селиться компактно и формировать собственные хотя бы микроландшафты» » [Каганский, 2009: 62-70].

То есть он увязывает возникновение новых культурных ландшафтов с все возрастающей активностью меньшинств. При этом он исходит из того, что «на сходной природной основе разные этнические группы ведут себя совершенно по разному, применяют разные технологии воздействия на среду, избирают разные угодья, что ведет к формированию разных культурных ландшафтов на единой природной основе» [Каганский, 2009: 62-70], что крайне важно и плодотворно для горизонтов культурного пространства. При этом, однако, он весьма невысоко оценивает состояние и понимание роли, значимости культурного ландшафта в современной российской массовой культуре. Так, он считает, что культурный ландшафт в российской массовой культуре совершенно бессвязен и фрагментарен, представлен отдельными разрозненными, бессвязными местами; большая часть поверхности суши буквально является ничем и культурно-семиотически не существует. Он полагает, что места заданы сугубо внешним образом (например, как точки обнаружения старых прялок, местожительство культурных героев, место действия художественных произведений и мифов) [Каганский, 2001: 64].

Существует также версия о том, что в будущем культурные ландшафты должны покрыть Землю целиком, разрываемые лишь сетью заповедных территорий, выступающих в качестве экологического каркаса. В данном случае концепция культурного ландшафта близка идее ноосферы (ноосфера - от греч. «нус», - ум) - сфера разума, которая, по мнению В. И. Вернадского должна заменить биосферу, являясь естественным этапом её развития [Вернадский, 2002: 337]. Обратим особое внимание, на этот особо важный аспект для нашей проблематики: сегодня концепция ноосферы по вполне объяснимым причинам на общем фоне геоэкологической ситуации [Соглашение о Всемирном наследии ЮНЕСКО, 1992]. находится в ряду основных современных концептуальных подходов. Ее суть состоит в превращении деятельности человека в мощную геологическую силу, а сама мысль, направляющая эту деятельность, становится особым фактором воздействия на окружающую среду. Под воздействием идей изменяются техногенные процессы и, как следствие, меняет свой облик оболочка Земли. Биосфера, сфера живого вещества с развитием «нового агента» претерпевает качественные изменения, эволюционирует в ноосферу. В целом подходы О. Шлютера и К. Зауэра к понятию «культурный ландшафт» определяли развитие этого направления в географии западных академических кругов на протяжении всего XX века. Но они, как видим, не потеряли своей актуальности и сегодня.

Итак, безусловно, перед нами достаточно «сложная система, имеющая определённую целостность, которая воплощается в облике города и других объектов», «...система символов, выработанных историей культуры» [Берестовская, 2011:7] в зависимости от контекста и точки зрения может быть представлен и как сложная текстовая структура, и как «слово» в тексте другого уровня культуры, и как знак - «минимальная единица знаковой системы, или языка, несущая информацию» [Руднев, 1997: 105].

То есть, с одной стороны, культурный ландшафт - это преобразованные человеком элементы окружающей природы, с другой - это вся «среда обитания человека, в сочетании своих естественных и искусственных элементов» [Драч, Матяш., 1991: 92]. Многие культурные ландшафты (как комплексы или отдельные их компоненты) стали знаками-символами. Узнаваемые изображения компонентов местных культурных ландшафтов используются в гербах городов, в логотипах различных организаций и т.д. Символы эти могут нести различную информацию для разных людей, по-разному читаться в

зависимости от контекста. С позиции философской рефлексии культурный ландшафт понимается как любые надстройки природы, которые связаны с человеческой деятельностью и ее целеполаганием в плане «культивирования», «возделывания», качественного преобразования чего-либо для получения определенных жизненных материальных или духовных благ. То есть здесь акцент делается на факте целенаправленного изменения природы человеком и его самого (как «второй природы», по Парацельсу) [Калинина, 2008: 8-9]. В рамках семантики культурного ландшафта, он рассматривается как «явление, лежащее в том срезе семиосферы, где знаковые системы культуры оказываются напрямую связанными с географическим пространством в целом и его отдельными объектами в частности» [Лавренова, 2010: 3].

Причем, заметим, сложность и многоуровневость целостной системы культуры позволяет одно и то же явление культуры рассматривать с позиций семиотики и как текст и как знак в тексте. Рассматривая культурный ландшафт как текст, в данном случае мы можем считать данный объект текстом в тексте. Так, скажем, изображения достопримечательностей могут выступать одновременно и знаками, словами, и как вполне самостоятельные тексты, нагруженные индивидуальными смыслами. В этом реализуются функции текста в общей системе культуры – «адекватная передача значений и порождение новых смыслов». Мы, со своей стороны, склонны разделить достаточно развернутое и цельное представление (не определение) о культурном ландшафте выработано в работах В.Л. Каганского: Культурный ландшафт - земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей, если это пространство одновременно цельно и структурировано, содержит природные и культурные компоненты, освоено утилитарно, семантически и символически [Каганский, 2009: 62-70]. Он же сформулировал идеальное представление о культурном ландшафте: «мир земной поверхности, где протекает жизнь всех людей (кроме космонавтов/астронавтов)... сплошная многослойная ткань, целостный ковер культурных ландшафтов, сопрягающий природные и культурные компоненты. Все места и отдельные объекты на поверхности Земли – это узелки самой ландшафтной ткани, имеющей целостный рисунок; места осмыслены лишь как детали этого общего рисунка. Такой рисунок, хотя и очень сложен, но имеет (не всегда очевидные) регулярности, подчиняется определенным закономерностям. В ландшафте соседство мест не случайно – а мотивировано,... каждое место имеет некоторый смысл».

Обобщенно можно вывести определение культурного ландшафта как целостной, территориально-локализованной совокупности природных, технических и социально-культурных явлений, сформировавшихся в результате влияния природных процессов и одновременно художественно-творческой, интеллектуально-созидательной, жизнеобеспечивающей деятельности людей. То есть, это не только сугубо географическое понятие, но и некая специализированная форма отношения человека к миру, которая подразумевает определенное художественно-эстетическое отношение, с необходимостью предполагающее восприятие мира человеком сквозь призму гармонии и красоты (включая природу) воплощение категории прекрасного в своей непосредственной деятельности. В таком контексте в качестве наиболее существенного критерия концепта «культурный ландшафт» исследователи справедливо называют гармоничное сочетание культурного наследия, сопряженность традиционной и современной культур. И с таким подходом мы склонны согласиться.

Наша собственная идентификация, достигнутая рефлексивным путем синтезирования основных концептуальных подходов и трактовок (от традиционно-географического, экологического до информационного) резюмируется в понимании культурного ландшафта как целостной, территориально-локализованной совокупности природных, технических и социально-культурных явлений - результата влияния природных процессов и одновременно художественно-творческой, интеллектуально-созидательной деятельности человека. То есть, это отнюдь сугубо географическое понятие, но специализированная (специфическая) форма ценностного (в том числе художественно-эстетического) отношения человека к миру, и способ самоидентификации себя самого и мира.

Одновременно культурный ландшафт предстает в качестве текста, структурно-семантического образования, наполненного знаками и знаковыми системами [Каганский, 1997: 134-145]. Он может рассматриваться двояко: и как самостоятельный текст, функция которого в принципе идентична функциям «обычного» текста в культуре – адекватная передача значений и порождение новых смыслов», и как знак-символ, из которых складывается уникальный текст «материнской» культуры, то есть как специфический знаково-символический носитель актуальной для человека информации, интерпретация которой детерминирована культурным контекстом и релевантна ему; наконец, это «форма ценностного отношения к миру» [Тикуннова, 2016: 361-364].

Говоря о связи общего (ума) и возможностей индивидуального социокода, М.К. Петров пишет: «Мерка индивида или субъекта оказывается тем критерием, который дает возможность понять, как структурируются в различных типах культуры формы перевода общезначимого смысла в особые для каждой культуры ячейки, ведущие и к изменению форм общения» [Петров, 1990: 199-200]. Функционирование социокодов обеспечивается разнообразными видами общения – коммуникацией, трансляцией и трансмутацией. У М. Петрова коммуникация «работает на закрепление и стабилизацию реалий социокода, на их притирку и подгонку, на поддержание и сохранение однозначных соответствий между массивом знания и миром деятельности» [Петров, 1990: 41].,

в то время как понятие «трансляции» подразумевает «общение, направленное на социализацию входящих в жизнь поколений, на их уподобление старшим средствами соответствующих институтов и механизмов». Причем, «в европейской культуре она идет по пути «сжатия» знаний в теории, в восточных культурах – через непосредственное участие в деятельности и в преимущественно устной коммуникации [Петров, 1990: 41]. Со своей стороны, трансмутация (по Петрову) охватывает собой «все разновидности общения, в результате которого в социокоде, в одном из фрагментов и в соответствующем канале трансляции появляются новые элементы знания или модифицируются наличные, или одновременно происходит и то, и другое» [Петров, 1990: 46].

Строго говоря, поскольку процесс преобразования (или превращения) культурой всякой области материального мира, соприкасающейся с ней в знаковую систему, затрагивает и географическое пространство, постольку оно в «лице» культурного ландшафта» посредством человеческой творчески-преобразовательной деятельности включается в семиосферу, то есть, входит в семиотическое пространство культуры. Такой подход, основанный на семиотической трактовке культуры, позволяет рассматривать саму культуру в качестве географической реальности, представленной знаково-символическими образами природы; а ландшафтное пространство – как сферу и универсальную культурно-историческую форму бытия культуры [Каганский, 1997:134-145]. «Именно знаковая форма создает то, что М.К. Петров называет «ментальностью» [Петров, 1973]. Сопряжение между ней и деятельностью как раз и обнаруживает внутреннюю пружину – двухплоскостность – культуры» [Чернышева, 2011: 199].

Таким образом, наша авторская позиция по рассматриваемой проблематике центрируется на культурологической концепции культуры М.К. Петрова, исследования которого в части тезаурусной динамики, объясняющий движение людей и идей в мире знака [Петров, 1996] служат методологическим обеспечением для репрезентации культурного ландшафта в семиосфере – области соприкосновения культуры и географического пространства, и его пониманию как «динамического единства географического пространства и человеческой деятельности во всех ее проявлениях» [Лавренова 2011: 6].

В завершение мы хотим акцентировать внимание на следующем: сегодня налицо противоречие между темпами наращивания научных и инженерных стратегий и нравственным созреванием человечества (где первое, увы, опережает второе). Такая ситуация актуализирует философскую рефлексию проблемы взаимодействия культуры и пространства, его геоэкологической концептуализации как природно-антропогенной геосистемы и одновременно как сферы пространственных представлений и кодов культуры. Представляется, что в данном контексте требует философского осмысления сам факт привносимых изменений. И хотя в последнее время проблема семиотизации природы в культурном ландшафте заметно активизируется, становясь сферой исследовательского интереса гуманитарных (в целом- междисциплинарных) исследований, о его целостном понимании говорить достаточно проблематично. Особенно зыбким и размытым остается здесь семиотический дискурс. А ведь в существе своем, универсальность процессов семиотизации природной среды отражает социокультурную «генетику» конкретной эпохи (ее мировоззренческий и интеллектуальный климат, эстетические доминанты и пр.), которые воплощаются и предстают в знаково-символических образах природы, источники которых, соотносясь с фундаментальным человеческим опытом, образуют собой «эстетику», «поэзию ландшафта». Отсюда вытекает семиотическая роль, назначение всех компонентов (в том числе, утилитарных) культурного ландшафта как универсальной формы бытия культуры и его семантика.

В целом же сущность бесконечного процесса семиозиса можно выразить так: это бытие культуры в ходе ее интерпретации, это визуализированное проявление духовной природы человека, связанной с эйдетической и феноменологической реальностью, адекватно представленной системой «знаков» и «символов», образно выражаясь, – семантическим «телом» культуры.

Список литературы: References

- Берестовская Д.С. Культурные ландшафты Крыма // Культура народов Причерноморья. № 210. 2011.
Berestovskaya D.S. Cultural landscapes of the Crimea // Culture of the Black Sea. Number 210. 2011.
Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. - Москва, 2002. -576 с.
Vernadsky V.I. The biosphere and noosphere. - Moscow, 2002. -576 p.
Григорьев А.А. «Артикуляции бытия культуры» // Теоретическая культурология.- М., 2005.
Grigoriev A.A. "Articulation of being cultural" // Theoretical kulturologiya.- Moscow, 2005.
Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. - М.: Новое литературное обозрение, 2001.
Kaganskij V.L. Cultural Landscape and Soviet habitable space. - М.: New Literary Review, 2001.
Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры. - 2009. - № 1. - С. 62-70.
Kaganskij V.L. Cultural landscape: the basic concepts of the Russian geography // Observatory of Culture. - 2009. - № 1. - S. 62-70.

- Каганский, В. Л. Ландшафт и культура // *Общественные науки и современность*. - 1997. - № 1. - С. 134-145.
- Kaganskij V.L. Landscape and Culture // *Social studies and the present*. - 1997. - № 1. - S. 134-145.
- Калинина Г.Н. Наука. «Другое знание». Человек / Редактор К. Necipurenko. Саарбрюкен, Palmarium Academic Publishing, 2012. - 564 с.
- Kalinina G.N. The science. "Other knowledge". Man / Editor K. Necipurenko. Saarbrücken, Palmarium Academic Publishing, 2012. - 564 p.
- Калинина Г.Н. Наука: прерванный триумф Монография. Белгород: ИП Остащенко, 2008. - 326 с.
- Kalinina G.N. Science: Monograph interrupted triumph. Belgorod: SP Ostashenko, 2008. - 326 p.
- Классическая концепция культурного ландшафта Карла Зауэра: история и современность] // *Известия Иркутского государственного университета*, 2013. Т. 6, № 1.
- The classical concept of the cultural landscape of Carl Sauer: Past and Present] // *Bulletin of Irkutsk State University*, 2013. T. 6, number 1.
- Культурный ландшафт: [Электронный ресурс] // Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа : http://ru.wikipedia.org/wiki/Культурный_ландшафт
- Cultural Landscape: [Electronic resource] // Wikipedia - the free encyclopedia. - Access: http://ru.wikipedia.org/wiki/Культурный_ландшафт
- Культурные ландшафты России и устойчивое развитие. Четвертый выпуск научных трудов семинара «Культурный ландшафт». 2009.
- Cultural landscapes of Russia and sustainable development. The fourth edition of proceedings of the seminar "Cultural Landscape". 2009.
- Лавренова О.А. Семантика культурного ландшафта. Автореферат дисс. д. филос. н. (Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры). Москва, 2010.
- Lavrenova O.A. The semantics of the cultural landscape. Abstract of diss. d. Philosophy. n. (Specialty 24.00.01 - Theory and history of culture). Moscow, 2010.
- Ландшафт : [Электронный ресурс] // Большой толковый словарь русского языка. – СПб., 1998.
- Terrain: [Electronic resource] // Great Dictionary of the Russian language. - SPb., 1998.
- Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб., 2000.
- Lotman Y.M. Articles on culture typology // Lotman YM Semiosphere. - SPb., 2000.
- Неретина С.С. Комментарий к книге Августина «О христианской науке» // Электронная библиотека по философии – [http:// filosof.historic.ru](http://filosof.historic.ru).
- Neretina S.S. Commentary on the book of Augustine's "On the Christian Science" // Electronic library on philosophy - <http:// filosof.historic.ru>.
- Петров М.К. Историко-философские исследования. - М.: Российская политическая энциклопедия», 1996. - 512 с.
- Petrov M.K. Historical and philosophical studies. - M.: Russian Political Encyclopedia", 1996. - 512 p.
- Петров М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. М., 2004. 776 с.
- Petrov M.K. The history of the European cultural tradition and its problems. M., 2004. 776 p.
- Петров М. К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. - М.: «Российская политическая энциклопедия», 1995. - 140 с.
- Petrov M.K. Art and Science. Pirates of the Aegean Sea and personality. - M.: "Russian Political Encyclopedia", 1995. - 140 p.
- Петров М.К. Самосознание и научное творчество. - Ростов н/Д.: Издательство Ростовского университета, 1992. - 272 с.
- Petrov M.K. Self-awareness and scientific creativity. - Rostov n / D.: Publisher of Rostov University, 1992. - 272 p.
- Петров М.К. Язык. Знак. Культура. М., 1991.
- Petrov M.K. Language. Sign. Culture. Moscow, 1991.
- Руднёв В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. – М., 1997.
- Rudnev V.P. Dictionary culture of the XX century. Key concepts and texts. - M., 1997.
- Стрелецкий В.Н. Культурно-ландшафтные исследования в Германии: традиции и современность // *Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования*. - М., 2003.
- Streletsky V.N. Cultural landscape research in Germany: tradition and modern-ness // *Cultural Landscape: theoretical and regional studies*. - M., 2003.
- Тикунова С.В. Культурный ландшафт как форма ценностного отношения к миру // *Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики: сб. докл. Всерос. науч.-практ. конф. (Белгород, 25-26 февраля 2016 г.) в 4 т.* – Белгород: ИПК БГИИК, 2016. – Т.1. - С. 361-364.
- Tikunova S.V. The cultural landscape as a form of value attitude to the world // *Culture. Arts: actual problems of theory and practice: Sat. rep. Proc. scientific-practical. Conf. . (Belgorod, February 25-26, 2016) in 4 volumes* - Belgorod: IPK BGIIK, 2016. - T.1. - S. 361-364.
- Шипкина А.А. Культурное пространство и культурный ландшафт как формы отражения культуры / А.А. Шипкина // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. – Тамбов, 2011. № 7. Ч. 2. С. 219-223.
- Shishkin A.A. The cultural space and cultural landscape as a form of reflection of culture / AA Shishkin // *Historical, philosophical, political and juridical sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*. - Tambov, 2011. № 7. Part 2. P. 219-223.